

РУССКІЕ
УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

ИЗДАНИЕ

А. ЛЮБАВСКАГО.

ТОМЪ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ «ТОВАРИЩЕСТВА ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», ПО МОЙКЪ, № 5.
1868.

ВВЕДЕНІЕ.

Настоящая книга, состоящая почти исключительно изъ дѣлъ, разрѣшенныхъ военнымъ генералъ-аудиторіатомъ (доселѣ нигдѣ не напечатанныхъ),—какъ мы надѣемся, не будетъ лишена интереса для дѣятелей новыхъ военно-судебныхъ учрежденій и для всѣхъ лицъ, занимающихся изученіемъ замѣчательныхъ случаевъ изъ отечественной уголовной практики.

Для удобства читателей мы представимъ характеристику нѣкоторыхъ изъ нынѣ напечатанныхъ процессовъ. Генералъ-маіоръ Бюрно (въ 1848 г.) покинулъ занимаемую имъ въ тылу Шамиля позицію при селеніи Борчъ на томъ основаніи, (какъ онъ выразился въ своемъ донесеніи), что замѣтилъ «глубокое уныніе» въ офицерахъ ввѣреннаго ему отряда; впослѣдствіи же самъ опровергъ справедливость этого объясненія. — Генералъ-маіоръ Кохановичъ сдалъ въ 1855 г. крѣпость Кинбурнъ англо-французамъ, не собравъ военного совѣта для обсужденія вопроса объ оборонѣ крѣпости, оставилъ во время осады безъ употребленія до 20 орудій, самъ вышелъ изъ крѣпости къ парламентарамъ, а во время нахожденія въ плѣну обратился къ французскому правительству съ недостойною просьбою: вознаградить его за вещи, утраченныя въ Кинбурнѣ. — Генералъ-лейтенантъ Ренненкампфъ подложно представилъ къ наградамъ за мужество, оказанное, будто-бы, въ сраженіи съ горцами при селеніи Бирикѣй (1844 г.) четырехъ офицеровъ, которые не участвовали въ семъ сраженіи. Генералъ-маіоръ Патковскій утаилъ побѣгъ 33 нижнихъ чиновъ изъ ввѣреннаго ему полка, (расположеннаго на границѣ съ Пруссіею),—дабы не навлечь начальству и самому се-

бъ непріятности».—Генералъ-маіоръ Леманъ на ученьѣ, за неимѣніемъ палокъ, — изъ служебнаго рвенія (какъ онъ самъ объяснилъ), жестоко наказалъ шомполами двухъ горнистовъ.—Наконецъ генералъ-лейтенанты Мандрыка и Тришатный и губернаторъ Булдаковъ (стр. 307), желая открыть виновныхъ въ кражѣ денегъ изъ кладовой симбирскаго уѣзднаго казначейства, самовольно вмѣшались въ распоряженія слѣдственной коммисіи и вымогали отъ подсудимыхъ признаніе посредствомъ пытокъ, — именно подвергали ихъ тѣлесному наказанію и кормили соленою рыбою, не давая пить. Вслѣдствіе этого въ кражѣ денегъ сознались лица, которыя (какъ оказалось впослѣдствіи) вовсе въ ней не участвовали, а одинъ изъ подсудимыхъ двукратно покушался на самоубійство.

Изъ дѣлъ о дуеляхъ особенно любопытны процессы: а) маіора Щедро, вызвавшего на дуель незнакомаго ему Артемовскаго-Гулака вслѣдствіе ссоры въ трактирѣ, и б) поручиковъ Станишевскаго и Пожидаева, дуель которыхъ не имѣла никакого результата подобно тому, какъ она была лишена достаточнаго повода.

Дѣло о систематическомъ и послѣдовательномъ расхищеніи тайн. сов. Политковскимъ (петербургскимъ Монте-Кристо, какъ называли его въ обществѣ) съ 1834 по 1853 г. болѣе *милліона ста тысячъ* руб. сер. изъ инвалиднаго капитала обнаружило невѣроятныя упущенія въ отчетности, въ ревизованіи и храненіи казенныхъ суммъ, которыя были допущены предсѣдателемъ и членами комитета «18 августа 1814 года», ревизовавшими въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ эти суммы по *фальшивымъ вѣдомостямъ*, такъ что только случаю нужно приписать, что не было растрачено большее количество денегъ. Въ сравненіи съ этимъ дѣломъ расхищеніе командиромъ тульского оружейнаго завода ген.-маіоромъ Лазаревичемъ казеннаго имущества (имѣвшимъ самимъ впослѣдствіи пополненнаго) является менѣе важнымъ.

Поступокъ прапорщика Мельницкаго, отдавшего свою шубу въ уплату карточного долга и потомъ объявившаго, что шуба была у него насильно отнята дворянами на большой дорогѣ, совершенно совпадаетъ съ дѣломъ кн. Николая Кольцова-Мосальскаго, который обвинилъ полковника Офрейна, (требовавшего отъ

него уплаты проигранныхъ 500 р. с.) въ похищеніи у него часовъ (Т. II, стр. 125).

Дѣла о контрабандѣ разъясняютъ: 1) что весьма часто контрабанда—водворяется при помощи пограничной стражи содержимой правительствомъ именно съ тою цѣлью, чтобы препятствовать ея ввозу, причемъ контрабандисты требуютъ заложника изъ казаковъ стражи въ обезпеченіе ея пропуска и провожатыхъ изъ той же стражи (дѣла Юліуса и Ананьева); 2) что начальники стражи, будучи поставлены въ необходимость отпускать послѣ поимки контрабанды тайныхъ доносителей, (только для вида участвующихъ въ контрабандѣ и содѣйствующихъ ея поимкѣ), не всегда могутъ съ точностью соблюдать формальности, предписанныя таможенными правилами, (дѣло Шенгелидзева); 3) что вслучаѣ убійства стражникомъ лица, способствующаго контрабандѣ—это дѣяніе должно быть отнесено къ необходимой оборонѣ (дѣло Жеромкина).

Дѣла: Василія Гессе, Волгина и Данила Луженко представляются однородными, ибо всѣ эти лица присвоили непринадлежащее имъ имя и званіе, причемъ первый двукратно принялъ православіе и троекратно вступилъ въ бракъ при живыхъ женахъ, второй на основаніи подложныхъ документовъ приступивъ къ собиранію статистическихъ свѣдѣній въ воронежской губ., наказывалъ крестьянъ розгами и вымогалъ у нихъ деньги, а третій (бывшій унтеръ-офицеръ), составивъ себѣ фальшивые документы на званіе штабсъ-капитана, дерзнулъ подать просьбу объ опредѣленіи его въ должность городничаго.

Дѣла объ оскорбленіяхъ представляются весьма разнообразными: такъ чиновникъ IX класса Матвѣевъ ударилъ въ церкви дѣйств. ст. сов. Писарева,—который требовалъ, чтобы онъ отошелъ на другое мѣсто, ибо на немъ оборванная шинель; прапорщикъ Сонцевъ оскорбилъ полковника Гриббе, будучи въ пьяномъ видѣ; еврей Шкабло сорвалъ эполетъ съ плеча подпоручика Ефремова, который ругался надъ предметами еврейскаго богослуженія и обѣщалъ наказать Шкабло (безъ всякой вины съ его стороны) такъ, что его на простынѣ отнесутъ въ лазаретъ; фельдфебель Максимъ Тищенко нанесъ два удара по лицу капитану Горбунову, (принимавшемуся въ этотъ день бить

его шесть разъ); подпоручикъ Левицкій учинилъ въ пьяномъ видѣ драку съ каптенармусомъ Комаровымъ и его тещею.

Дѣло о нижнихъ чинахъ жиздринской инвалидной команды представляетъ случай нарушенія военной дисциплины, ибо упомянутые нижніе чины объявили, что они не желаютъ принять назначеннаго имъ въ начальники капитана Дмитріева, который (будто-бы) отличается жестокостью.

Наконецъ изъ дѣлъ о убійствахъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія: штабсъ-капитанъ Матвѣевъ наказывалъ рядоваго Кабаненко розгами, палками и ударами штыка, (который при этомъ сломался), до тѣхъ поръ пока Кабаненко не умеръ; нѣсколько арестантовъ курскаго тюремнаго замка убили смотрителя послѣдняго Безика за то, что онъ воспретилъ имъ имѣть доступъ въ отдѣленіе арестантокъ и продолжать съ ними любовную связь, что позволялъ прежній смотритель Кременецкій; три арестанта виленскаго тюремнаго замка убили смотрителя онаго Марамыгина за то, что послѣдній наносилъ нѣкоторымъ изъ нихъ побои; колл. ассессоръ Петровъ и мичманъ Ирецкій совершили, находясь въ опьяненіи, покушеніе на убійство — первый своей жены по причинѣ, оставшейся нераскрытою, а послѣдній — товарища вслѣдствіе взаимныхъ оскорбленій; прапорщикъ Соболевъ и юнкеръ Баранцевъ учинили убійство четырехъ лицъ: первый при пособіи своего крѣпостнаго человека съ цѣлью ограбленія сигарочнаго магазина, а послѣдній для отнятія у провѣзжаго купца Гибетьюлина шкатулки съ деньгами.

Въ заключеніе мы присовокупимъ, что считали бы цѣль сборника «русскіе уголовные процессы» вполне достигнутою, если бы наглядно убѣдили читателей въ справедливости выраженной нами (въ предисловіи къ I Т.) мысли, что и отечественная уголовная практика прежнихъ годовъ, (съ которою мы старались ознакомить русскую публику), представляетъ не менѣе интереса, нежели практика иностранныхъ государствъ, гдѣ существуетъ множество сборниковъ для напечатанія наиболѣе замѣчательныхъ уголовныхъ дѣлъ.

РУССКІЕ УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

**Дѣло о генераль-маіорѣ Бюрно, сужден-
номъ за покинутіе позиціи при селеніи
«Борчъ» — во время нападенія Шамиля
(1848 г.), и за ложныя донесенія по
сему предмету. *)**

Въ началѣ сентября 1848 года, Шамилъ, съ весьма значитель-
нымъ числомъ Лезгинъ, вторгнулся въ самурскій округъ, занялъ
главныя селенія Рутульскаго и Ахтинскаго обществъ и обло-
жилъ «Ахтинское укрѣпленіе», угрожая нападеніемъ нухинскому
уѣзду.

Въ это время генераль-маіоръ Бюрно находился въ окрест-
ностяхъ селенія «Борчъ», въ 70-ти верстахъ отъ осажденнаго
форта, съ отрядомъ, разработывавшимъ новую дорогу по Ши-
скому ущелью. Отрядъ его состоялъ изъ 1-го баталіона мингрель-
скаго и 4-го баталіона тифлискаго егерскихъ полковъ, 100 че-

*) Мы не сомнѣваемся, что настоящее дѣло, равно и послѣдующее, бу-
дутъ интересны не для однихъ военныхъ, но и для всѣхъ русскихъ, ко-
торымъ дорога честь русскаго оружія. Ознакомленіе съ этими дѣлами на-
глядно убѣдитъ читающую публику, что малодушіе и робость, (составляю-
щіе столь рѣдкое явленіе въ нашихъ войскахъ), привлекаютъ на виновныхъ
не только нареканіе общественнаго мнѣнія, но и преслѣдованіе по всей
строгости законовъ уголовныхъ. Русскіе же военачальники, ознаменовав-
шіе себя покореніемъ Кавказа и геройскою защитою Севастополя, не мо-
гутъ потерять въ глазахъ общества только потому, что въ средѣ ихъ ока-
зались отдѣльныя личности, лишенныя распорядительности и энергіи.

Прил. изд.

ловѣкъ саперъ, команды съ ракетами и около 150 человекъ милиціи.

На этой позиціи, (какъ призналъ главнокомандующій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ), генералъ-маіоръ Бюрно обеспечивалъ Елисуйскія земли и нухинскій уѣздъ и прикрывалъ: дорогу въ Шинское ущелье и сообщенія чрезъ Кимское ущелье въ Нуху и чрезъ Хачмазское ущелье въ селенія участка того же названія, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ возможность угрожать тылу и флангу непріятеля по дорогамъ, ведущимъ въ Рутуль и Цахуръ.

При первомъ извѣстіи о такомъ вторженіи, вечеромъ 6 сентября генералъ-маіоръ Бюрно немедленно собралъ въ одно мѣсто отрядъ свой, расположенный въ Ахтычайскомъ ущельѣ, и, оставивъ инструменты, порохъ, денежную сумму и всѣ тяжести около селенія Хновъ, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ 4-го баталіона тифлискаго егерскаго полка, — самъ, съ однимъ баталіономъ мингрельскаго и двумя ротами тифлискаго егерскихъ полковъ, занялъ позицію при селеніи «*Борчъ*», въ продолженіи нѣсколькихъ дней занимался укрѣпленіемъ оной и дѣлалъ распоряженіе о перевозкѣ баталіонныхъ тяжестей. 9-го же сентября, узнавъ, что непріятельскіе отряды заняли селеніе Рутуль, и что Даніель-Бекъ овладѣлъ самурскимъ округомъ съ мюридами, число коихъ простиралось до 10 т. человекъ, г.-м. Бюрно донесъ о семъ какъ начальнику главнаго штаба войскъ, на Кавказъ расположенныхъ, такъ и бывшему начальнику лезгинскаго отряда генералъ-лейтенанту Шварцу; причемъ, объясняя о важности этой позиціи, присовокупилъ, что онъ не оставитъ оной и будетъ оборонять даже въ такомъ случаѣ, если бы пришлось защищаться съ однимъ баталіономъ, ибо отступление въ эти минуты имѣло бы видъ бѣгства. Важность же этого пункта, (какъ генералъ-маіоръ Бюрно писалъ въ своемъ донесеніи) заключалась въ томъ, что онъ обеспечивалъ Елисуйскія земли и нухинскій уѣздъ и имѣлъ возможность въ одинъ день марша явиться по Кебехскому ущелью къ Елису и Цахуру.

Но чрезъ три дня послѣ такого допесенія, именно 12 сентября, генералъ-маіоръ Бюрно оставилъ означенную позицію и отступилъ за гору Салаватъ въ Шинское ущелье, открывъ такимъ образомъ непріятелю, (какъ призналъ генералъ-адъютантъ князь Воронцовъ), всѣ упомянутыя сообщенія въ нухинскій уѣздъ и

давъ Шамилю возможность дѣйствовать внизъ по Самуру, безъ всякаго опасенія за тылъ свой.

Донося о такомъ отступленіи, генералъ-маіоръ Бюрно писалъ: что въ теченіи нѣсколькихъ дней онъ замѣчалъ *«глубокое уныніе»* въ офицерахъ ввѣреннаго ему отряда, что нѣкоторые изъ нихъ обратились къ нему съ просьбою объ отступленіи, представляя основаніемъ то, что позиція, занимаемая ими—всего въ тысячу штыковъ, безъ орудій, безъ лошадей и палатокъ,—можетъ подвергнуть ихъ неминуемой гибели; что онъ, Бюрно, созывалъ отдельно двухъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ и всѣ единогласно подали мнѣніе объ отступленіи, и что принужденный уступить мнѣнію всѣхъ, онъ, не безъ глубокаго сожалѣнія, оставилъ Борчинскую позицію, угрожавшую непріятелю, останавливавшую всѣ его замыслы въ отношеніи Ахтовъ и отнимавшую у него надежду на вторженіе въ нухинскій уѣздъ.

По первомъ извѣстіи объ этомъ отступленіи 13-го числа, бывшій начальникъ лезгинской линіи генералъ-лейтенантъ Шварцъ, — которому генералъ-маіоръ Бюрно былъ подчиненъ на случай вторженія непріятеля въ этотъ край, — послалъ на подкрѣпленіе отряда Бюрно двѣ роты тифлискаго егерскаго полка и два горныя орудія, и отъ 15-го числа предложилъ ему занять прежнюю позицію у Борча, чтобы прикрыть нухинскій уѣздъ и способствовать наступательному движенію, которое лезгинскій отрядъ долженъ былъ предпринять.

Подкрѣпленіе это прибыло на Салаватъ 16 сентября; въ тотъ же день вступилъ въ селеніе Курагъ дагестанскій отрядъ, спѣшившій на помощь осажденнаго Ахтинскаго укрѣпленія; но генералъ-маіоръ Бюрно, (какъ онъ самъ объяснилъ въ рапортѣ отъ 17-го числа), получивъ извѣстіе объ усиленіи непріятеля въ самурскомъ округѣ и о блокадѣ Ахтинскаго укрѣпленія, не счелъ нужнымъ предпринимать наступательнаго движенія въ Борчѣ, изъ опасеній за нухинскій уѣздъ и потому, что это движеніе, по мнѣнію его, не доставило бы никакихъ успѣховъ, пока дагестанскій отрядъ не появится со стороны Ахтовъ.

Такое бездѣйствіе генералъ-маіора Бюрно со ввѣреннымъ ему отрядомъ, (по мнѣнію князя Воронцова), имѣло вліяніе на предпріятія лезгинскаго отряда, который ожидалъ вновь занятія селенія Борчѣ, чтобы двинуться въ тылъ скопищъ Шамиля. На-

конецъ, когда 21 сентября генералъ-лейтенантъ Шварцъ вторично предписалъ генералъ-маіору Бюрно слѣдовать къ селенію Борчъ, то Бюрно 24 числа двинулся къ оному, но, какъ самъ онъ доносилъ: «къ сожалѣнію, прибылъ уже поздно», потому что непріятель былъ разбитъ и, преслѣдуемый отрядомъ генералъ-адъютанта князя Аргутинаскаго, бѣжалъ въ Казикумыхское ханство и Нагорный Дагестанъ.

Между тѣмъ главнокомандующій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, получивъ вышеизложенное донесеніе генералъ-маіора Бюрно отъ 13 сентября, предписалъ: произвести слѣдствіе противу показанной имъ, Бюрно, причины объ оставленіи позиціи при сел. Борчъ по упадку воинскаго духа въ баталіонныхъ командирахъ и офицерахъ,—признавая, что обвиненіе это весьма важно и обидно для русской арміи и въ особенности для означенныхъ баталіоновъ, которые неоднократно доказали храбрость свою въ бояхъ.

По произведенному слѣдствію означенное донесеніе генералъ-маіора Бюрно не подтвердилось, и кромѣ того на Бюрно возникло обвиненіе: во 1-хъ въ оставленіи, безъ нужды, позиціи у с. Борчъ, — подъ предлогомъ совѣтовъ и мнѣній подчиненныхъ, и во 2-хъ въ неисполненіи предложенія генералъ-лейтенанта Шварца о занятіи вновь означенной позиціи. А потому генералъ-адъютантъ князь Воронцовъ подвергнулъ Бюрно военному суду.

При производствѣ слѣдствія и въ военномъ судѣ генералъ-маіоръ *Бюрно* въ оправданіе свое объ отступленіи отъ Борчинской позиціи къ горѣ Салавату, представилъ слѣдующія обстоятельства: 1) что ночью съ 9 на 10 сентября выпалъ въ горахъ снѣгъ, прекратившій сообщенія въ Елисуйскія земли и пухинскій уѣздъ, исключая одной только дороги чрезъ вершины Салавата; а какъ онъ опасался, чтобы снѣгъ не прекратилъ и этого единственнаго сообщенія, то рѣшился занять позицію по ту сторону означенной горы, съ цѣлію обезпечить такимъ образомъ Елисуйскія земли и пухинскій уѣздъ; 2) что 11 числа онъ, Бюрно, узналъ чрезъ лазутчиковъ и изъ письма пачальника самурскаго округа о прибытіи Шамиля въ Рутуль съ подкрѣпленіемъ и о довершившемся возстаніи во всемъ самурскомъ округѣ; 3) что въ тотъ же день собранная при отрядѣ его, Бюрно, ахтычайская милиція разбѣжалась, а чрезъ это онъ долженъ былъ усомниться

въ расположеніи жителей всей Ахтычайской долины и опасаться, чтобы они не бросились на сообщеніе его съ нухинскимъ уѣздомъ; 4) что Борчинскіе жители, которыхъ дурное расположеніе обнаружилось уже въ то время, когда онъ перевозилъ инженерный паркъ изъ Ахтычайскаго ущелья, могли угнать лошадей своихъ и оставить его такимъ образомъ безъ средствъ къ перевозкѣ тяжестей, ибо подъемныя лошади баталіоновъ, по совершенному недостатку въ подножномъ кормѣ, находились отдельно и не могли прибыть скоро, а потому, чтобы сохранить инженерный паркъ и всѣ тяжести, онъ, Бюрно, счелъ необходимымъ приблизиться къ подошвѣ Салавата, тѣмъ болѣе, что на этой позиціи препятствовалъ непріятелю пройти въ нухинскій уѣздъ и Елисуйскія земли; 5) что при отрядѣ его не имѣлось орудій, у одного же баталіона не было даже патронныхъ ящиковъ; 6) что въ баталіонахъ со дня отступленія оставалось продовольствія въ тифлискомъ на три, а въ мпнгрельскомъ на два дня и 7) что командовавшіе тогда баталіонами маіоры Карякинъ и Грекуловъ подали рапорты, прося о дозволеніи отправиться изъ отряда: первый въ штабъ-квартиру полка, и послѣдній въ госпиталь, а такое отсутствіе двухъ баталіонныхъ командировъ могло увеличить трудность положенія отряда. При такихъ обстоятельствахъ, понимая трудность отступленія, если бы непріятель рѣшился атаковать отрядъ превосходными силами, онъ Бюрно, пригласилъ къ себѣ всѣхъ ротныхъ командировъ, бывшихъ въ отрядѣ, большею частію старыхъ офицеровъ, давно-испытанныхъ въ храбрости и мужествѣ, для частнаго совѣщанія съ ними на счетъ угрожающей опасности. При этомъ всѣ они на словахъ полагали мнѣніемъ своимъ отступленіе за Салаватъ, какъ единственное средство для сохраненія чести оружія и обезпеченія всѣхъ имѣвшихся при отрядѣ тяжестей. Послѣ же нихъ онъ, Бюрно, пригласилъ еще двухъ баталіонныхъ командировъ для совѣщанія, и они, также сознавая необходимость отступленія, содѣйствовали его распоряженіямъ по этому предмету. Онъ, Бюрно, съ прискорбіемъ и сожалѣніемъ повторяетъ, что вынужденъ былъ соображаться съ понятіями храбрыхъ своихъ товарищей, замѣтивъ, что упорство его оставаться на той позиціи, по ихъ мнѣнію, не могло бы принести никакого результата, потому что безъ орудій и безъ подъемныхъ лошадей при-

шлось бы на его долю одно только оборонительное положеніе, тогда какъ непріятель могъ бы отрѣзать отряду сообщеніе въ Салаватъ и пріостановить такимъ образомъ подвозку провіанта и дровъ. Впрочемъ, рѣшась на отступленіе, онъ, Бюрно, имѣлъ въ виду, укрѣпивъ Борчинскую позицію, предпринять наступательное движеніе при первомъ удобномъ случаѣ.

Кромѣ того подсудимый *Бюрно* въ военномъ судѣ объяснилъ, что важность, приписываемая позиціи у сел. Борчъ, и основанная на его же собственныхъ донесеніяхъ, совершенно измѣнилась послѣдовавшими событіями. При новыхъ обстоятельствахъ возникла необходимость, чтобы состоявшій въ вѣдѣніи его отрядъ, прикрывая Ахтычайскую долину, былъ въ состояніи прикрывать въ то же время нухинскій уѣздъ и Елисуйскія земли; а чтобы достигнуть этой цѣли нужно было, покуда еще не были приняты мѣры для защиты плоскости, занять среднюю позицію, съ которой можно было бы дѣйствовать во все угрожаемыя стороны. Знаніе же мѣстности, основанное на 4-хъ лѣтнемъ пребываніи на Кавказѣ, вполне убѣдило его, что для этого не было лучшей позиціи, кромѣ той, которую онъ занялъ у подошвы Салавата, ибо она отстоитъ на равномъ разстояніи какъ отъ Нухи, такъ и отъ Рутула, именно въ 45 верстахъ.

Далѣе генераль-маіоръ Бюрно противъ употребленнаго имъ въ донесеніи отъ 13 сентября выраженія, — что имъ замѣчено «глубокое уныніе» въ офицерахъ, — объяснилъ, что онъ въ означенномъ донесеніи излагалъ объ уныніи офицеровъ не въ томъ смыслѣ, чтобы оно происходило отъ малодушія или упадка воинскаго духа, но уныніе это являлось весьма естественнымъ образомъ по мѣрѣ полученія такихъ извѣстій, которыя, съ каждою минутою, казалось, прибавляли новыя трудности къ водворенію порядка и спокойствія во взволнованномъ краѣ. Слово уныніе онъ, генераль Бюрно, принимаетъ въ смыслѣ французскаго слова *abattement* за чувство огорченія, въ смыслѣ, тѣмъ болѣе похвальномъ, что оно происходило отъ сознанія невозможности остановить вторженіе непріятели тѣми средствами, какія имѣлись въ его распоряженіи, и при видѣ необходимости оставаться въ оборонительномъ положеніи, когда обстоятельства съ каждою минутою становились труднѣе, и наконецъ отъ того, что для поддержанія спокойствія въ нухинскомъ уѣздѣ пред-

стояла необходимость оставить позицію у селенія Борчъ. Если же изъ означеннаго рапорта его выведено заключеніе, что онъ сомнѣвался въ храбрости ввѣреннаго ему отряда, то это произошло отъ неточности и неискренности въ выраженіи, при поспѣшности, съ которою составлялось донесеніе его и при работахъ, въ которыхъ онъ тогда находился; но за священный долгъ поставляетъ себя сказать, что словомъ «уныніе» онъ и въ мысли не имѣлъ помрачить честь кого либо изъ офицеровъ ввѣреннаго ему отряда и обвинить въ малодушіи или потерѣ воинскаго духа, ибо въ храбрости ихъ онъ не сомнѣвался.

По собраннымъ противъ объясненія генераль-маіора Бюрно свѣдѣніямъ оказалось слѣдующее:

1) Ночью съ 9-го на 10-е сентября точно выпалъ въ горахъ большой снѣгъ. Это подтвердилось отзывомъ нухинскаго уѣзднаго начальника, который удостовѣрялъ, что отъ выпавшаго снѣга на горахъ, сопредѣльныхъ съ нухинскимъ уѣздомъ, сообщеніе съ симъ уѣздомъ, чрезъ ущелья, было довольно затруднительно. Равнымъ образомъ 4-е человека борчинскихъ жителей, подъ присягою, подтвердили, что выпавшій съ 9-го на 10-е сентября, — т. е. за два дня до отступленія отряда генераль-маіора Бюрно съ позиціи, — въ горахъ большой снѣгъ, закрылъ все дороги, ведущія въ нухинскій уѣздъ, и что хотя, спустя нѣсколько времени послѣ того, можно было имѣть сообщеніе по другимъ ущельямъ, но съ большимъ затрудненіемъ, по случаю глубокихъ снѣговъ.

2) Начальникъ самурскаго округа 10-го сентября доносилъ, что въ укрѣпленіи Ахтычайскомъ находится только 100 человекъ, готовыхъ драться; изъ остальныхъ же одни только думаютъ о томъ, какъ бы покориться начальнику мюридовъ, а другіе, не видя приближенія русскихъ войскъ для прикрытія ихъ долины, по своей трусости, передались Шамилю.

3) При отрядѣ генераль-маіора Бюрно дѣйствительно не было горныхъ орудій, а находились только 60-ть трехъ фунтовыхъ ракетъ стараго заготовленія, которыя, по произведеннымъ опытамъ, оказались совершенно негодными къ употребленію, ибо разрывались весьма близко отъ стапка и принимали направленіе совершенно противное. Объ этомъ генераль-маіоръ Бюрно при самомъ началѣ вторженія Шамиля доносилъ по командѣ, и хотя тогда же разрѣшено было отпустить ему 100 новыхъ ракетъ, но

оныя въ то время, когда Бюрно занималъ ту позицію, не были доставлены къ отряду.

4) Подъемныхъ лошадей при отрядѣ не было, а онѣ находились отдѣльно отъ баталіоновъ; продовольствія же для нижнихъ чиновъ, при отступленіи отъ Борчинской позиціи, состояло въ тифлискомъ баталіонѣ на три, а въ мингрельскомъ на два дня.

и 5) Командиръ 4-го баталіона тифлискаго егерскаго полка майоръ Карякинъ, наканунѣ отступленія, 11-го числа подавалъ рапортъ о дозволеніи ему отправиться въ штабъ-квартиру полка, сдѣлавъ это по поводу нанесеннаго ему генералъ-майоромъ Бюрно на словахъ оскорбленія тѣмъ, что Бюрно, не принявъ представленія его Карякина о неудобствахъ въ устройствѣ одного редута, сказалъ, что онъ мѣшаетъ ему своими мелочными препятствіями. Вскорѣ же послѣ этого и командиръ 1-го баталіона мингрельскаго егерскаго полка майоръ Грекуловъ также подалъ рапортъ о болѣзни, испрашивая дозволенія отправиться въ госпиталь. Впрочемъ оба они послѣ подачи рапортовъ остались при своихъ баталіонахъ и командовали ими при отступленіи; по прибытіи же отряда на Салаватъ, майоръ Грекуловъ 14-го числа подалъ донесеніе о выздоровленіи, а рапортъ майора Карякина, какъ объяснилъ генералъ-майоръ Бюрно, изъ уваженія, что онъ рѣшился остаться при баталіонѣ, былъ ему возвращенъ.

Къ подтвержденію объясненія генералъ-майора Бюрно, что послѣдовавшія событія измѣнили важность Борчинской позиціи, никакихъ данныхъ не обнаружено; напротивъ генералъ-адъютантъ князь Воронцовъ призналъ, что удержаніе этой позиціи имѣло бы большое вліяніе на исходъ вторженія Шамиля.

Противу донесенія генералъ-майора Бюрно о томъ, будто офицеры и баталіонные командиры были собираемы для совѣщанія и подавали мнѣнія объ отступленіи, — ротные командиры, въ числѣ 8-ми человекъ, отозвались: что хотя 11-го сентября, въ 10-ть часовъ вечера, они были потребованы въ палатку генералъ-майора Бюрно, но вовсе не подавали мнѣнія объ отступленіи, а когда Бюрно, объявивъ имъ, что они находятся въ опасности потому, что Ахты заняты непріателемъ, и что Шамиль прибылъ въ Рутуль съ большимъ числомъ мюридовъ, — спросилъ ихъ мнѣнія, отступить ли имъ или оставаться на позиціи? — то они отвѣчали, что готовы исполнять все, что имъ

будетъ приказано: отступить, остаться или двинуться впередъ; послѣ чего получили приказаніе быть готовыми къ отступленію *).

Бывшіе въ отрядѣ баталіонные командиры: маіоры Грекуловъ и Карякинъ отозвались, что они на совѣщаніи, происшедшемъ у генерала Бюрно съ ротными командирами, не находились; а хотя чрезъ нѣсколько времени послѣ ухода ротныхъ командировъ были потребованы къ нему, но не для выслушанія мнѣнія, а для полученія приказанія о порядкѣ отступленія.

Впослѣдствіи самъ генераль-маіоръ Бюрно отозвался, что онъ считалъ лишнимъ призывать баталіонныхъ командировъ для отобранія отъ нихъ мнѣнія объ отступленіи, потому что они еще прежде того подали рапорты, испрашивая о дозволеніи отправиться: одинъ въ штабъ-квартиру полка, и другой, по болѣзни, въ госпиталь,—а пригласилъ ихъ только для того, чтобы переговорить о принятіи мѣръ къ перевозкѣ тяжестей, находившихся при баталіонахъ, неимѣвшихъ подъемныхъ лошадей. Равно ротные командиры были призываемы имъ не для военнаго совѣта, а для разузнанія ихъ мнѣній по предмету отступленія, и какъ никто изъ нихъ не протестовалъ противъ отступательнаго движенія, то онъ Бюрно имѣлъ право сказать, что сообразовался съ ихъ мнѣніемъ.

На вопросъ же: кто именно изъ офицеровъ обращался съ просьбою объ отступленіи?—генераль-маіоръ Бюрно отозвался, что онъ именъ ихъ не помнитъ и находитъ невозможнымъ повторять то, что ротными командирами говорено было ему частнымъ образомъ, ибо, не имѣя тогда никакихъ поводовъ къ предположенію, что его будутъ спрашивать по этому предмету, не предвидѣлъ необходимости составлять памятную записку словъ ихъ; но всею совѣстливостію сознаетъ, что все сказанное ими тогда проистекало отъ духа преданности; другихъ же поводовъ къ тому не замѣтилъ.

Что касается до открывавшагося по слѣдственному дѣлу обвиненія на генераль-маіора Бюрно въ неисполненіи предложенія генераль-лейтенанта Шварца о занятіи вновь оставленной имъ при селеніи Борчѣ позиціи, то обстоятельство это, по производ-

*) Генераль-адъютантъ князь Воронцовъ засвидѣтельствовалъ, что офицеры эти отличные и многіе испытанной храбрости въ дѣлахъ.

ству военнаго суда, не подтвердилось: самъ генералъ-маіоръ Бюрно, утверждая, что онъ никогда не имѣлъ намѣренія дѣйствовать вопреки приказаніямъ генералъ-лейтенанта Шварца и во вредъ предположеннымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ его во флангъ и тылъ непріятелю, отозвался, что генералъ Шварцъ въ предписаніи своемъ не предложилъ ему Бюрно настоятельно, чтобы онъ занялъ позицію у селенія Борчъ, а выразилъ только желаніе свое объ этомъ; чѣмъ самымъ предоставлялъ ему право донести предварительно о положеніи дѣлъ въ краѣ и, согласно онымъ, испросить надлежащія наставленія по предмету дальнѣйшихъ дѣйствій. Поэтому онъ, Бюрно, просилъ генералъ-лейтенанта Шварца повременить движеніемъ, пока отрядъ князя Аргутинскаго не предприметъ дѣйствій со стороны Ахты, ибо въ такомъ только случаѣ отрядъ его, Бюрно, направляясь къ Рутулу, могъ бы содѣйствовать въ предпріятіяхъ дагестанскому отряду. Такимъ дѣйствіемъ онъ, Бюрно, не только не нарушилъ, по мнѣнію его, предложенія генералъ-лейтенанта Шварца, но еще вполне подчинялъ себя распоряженіямъ его. Притомъ, если бы генералъ-лейтенантъ Шварцъ, въ означенномъ отзывѣ его видѣлъ ослушаніе, противное порядку службы, то безъ сомнѣнія, устранивъ его отъ командованія отрядомъ, отозвалъ бы войска въ свое вѣдѣніе, на что имѣлъ полное право; равнымъ образомъ, если бы бытность его, Бюрно, на позиціи у горы Салаватъ приносила вредъ предполагаемымъ дѣйствіямъ генералъ-лейтенанта Шварца и препятствовала рѣшительнымъ движеніямъ его во флангъ и тылъ непріятелю, то онъ также не оставилъ бы его, Бюрно, безъ упрека; напротивъ генералъ-лейтенантъ Шварцъ ничего не говорилъ ему объ этомъ предметѣ. Когда вскорѣ послѣ того, 21-го сентября, генералъ-лейтенантъ Шварцъ, рѣшившись двинуться въ горы, снова предложилъ ему, Бюрно, занять Борчинскую позицію, то онъ, принявъ и это предложеніе за условное, въ отвѣтъ на оное донесъ, что считаетъ опаснымъ оставить одинъ баталіонъ у горы Салавата, тогда какъ безъ этого цельзя было обойтись, потому что непріятель, по взятіи Ахтинскаго укрѣпленія, имѣлъ замыселъ обратиться чрезъ Шинское ущелье въ Нуху *)

*) Изъ формулярнаго списка генералъ-маіора *Бюрно* видно, что онъ участвовалъ въ компаніяхъ 1828 и 1829 годовъ противу Турокъ и въ 1831